

ЕВГЕНИЙ МАСЛАНОВ*

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ НАУКИ**

Аннотация: В статье предпринимается попытка рассмотрения вопроса о политической субъектности науки. Для этого проводится анализ понятия «политическое». Выделяется два его понимания. Первое связано с борьбой с противником за суверенитет. Оно базируется на способности выделять «друзей» и «врагов». Второе — с попыткой включения в социальное единство новых элементов. В этом случае политическое оказывается связано с вхождением в существующее единство новых агентов. Оба эти понимания предполагают необходимость конструирования новых миров политического, которые отличаются от уже имеющегося положения дел. Политическое оказывается связано с возможностью формировать особые перспективы, которые используются для переопределения социального единства. Политическая субъектность науки заключается в способности конструировать новые миры, которые оказывают влияния на социальную жизнь. В этом случае наука выступает агентом, создающим новые практики и технологии, влияющие на общество. Это как раз и ведет к переопределению социального единства. Подобная политическая функция науки сформировалась благодаря активному использованию результатов ее исследований в экономической и общественной жизни. Политическая субъектность характерна именно для современной науки и является побочным следствием ее успешности. Наука не стремится обладать подобной субъектностью, но и не может сама отказаться от нее, ведь именно использование результатов научных исследований и формирует эту субъектность. Таким образом, наука оказывается политическим актором не из-за собственных устремлений. Она становится структурным элементом политического.

Ключевые слова: наука, политика, техногенная цивилизация, субъектность, социальное конструирование, постнормальная наука.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-339-351.

В современном обществе наука играет одну из ключевых ролей. Технологии, основанные на ее результатах, вошли в нашу повседневную жизнь, иногда говорят о новом типе цивилизации — техногенной цивилизации или отмечают, что мы вошли в новую геологическую эпоху — антропоцен, в которой человечество становится ведущей геологической силой (After the Anthropocene, 2014; Crutzen & Stoermer, 2000), что было бы невозможно без технологического развития. При этом особая роль современной науки в разработке технологий, анализе социальной

*Масланов Евгений Валерьевич, к. филос. н., научный сотрудник, Институт философии Российской академии наук (Москва), evgenmas@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-6403-8003.

**© Масланов, Е. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

реальности, а следовательно, ее влияние на экономику и принятие различных политических решений поставили вопрос о взаимосвязи науки и демократии (Stehr, 2015) или в целом о ее возможной политической субъектности. В. Н. Порус отмечает, что

именно современная наука так или иначе вовлечена в политические процессы. Вопрос в том, является ли это вовлечение субъектным, то есть выступает ли наука актором этих процессов (определяющим свои цели и средства их достижения) или ее роль — быть обстоятельством или инструментом в политической игре других участников? (Порус, 2023: 77)

Ответ на этот вопрос требует прояснения понимания политического.

Можно выделить как минимум два типологических ответа на вопрос о сущности политического. Первый из них можно условно назвать «шмиттовским». В этом случае под политикой понимается борьба с противником за суверенитет, т. е. способность устанавливать политический порядок и правила его осуществления и возможность на основе собственных представлений принимать различные решения. Это противостояние предполагает столкновение различных социальных групп, не важно, организованы они в государства, партии или какие-то общественные движения. В нем есть друзья и враги, и именно их борьба определяет возможные действия или их отсутствие. Политик воплощает в себе субъектность своей группы. В этом случае политическое оказывается связано с способностью, отмечает Э.-В. Бёкенфёрде,

доходить до крайнего противопоставления, до различения друга и врага, включающего готовность к борьбе, в том числе и вооруженной, и что оно феноменально определяется этой заложеной в нем возможностью (Бёкенфёрде, Кильдюшов, 2012: 167).

Оно появляется не просто как необходимость в конкретный момент времени решить, кто является другом, а кто врагом. «Политическое заключено в самой природе человека» (Филиппов, 2016: 533), что и дает человеку силы помогать своим «друзьям» и противостоять «врагам». В результате, все может быть пронизано политикой. Правда, именно поэтому в некоторых случаях одни вопросы и отношения приобретают такой характер, а в других они уже не являются политическими. На авансцену противостояния выходят другие проблемы. Разделение политического и религиозного, политического и морального, политического и экономического, а возможно, политического и научного — оказывается лишь ситуативным положением дел. Ведь «политическим

потенциально может стать все. Поэтому решение о том, является ли нечто политическим, в спорном случае является именно политическим решением» (Шмитт, Корицын, 2016: 412). Оно оказывается связано с постоянной способностью и готовностью выделять «друзей» и «врагов», для защиты собственных интересов вступать с последними в борьбу и видеть ситуации, в которых необходимость подобного разделения ведет к переосмыслению понимания политического в определенный момент времени.

Второй ответ, условно назовем его «рансьеровским», базируется на иной попытке подойти к вопросу о сущности политического. Он опирается на представление о том, что политика связана не только с борьбой одних групп против других. Ведь сама власть всегда проявляется как власть над чем-то уже данным и существующим, тогда как политическое скорее демонстрирует «разрыв» в социальной жизни и предполагает возможность по-новому перестраивать существующий порядок.

Сущностная работа политики состоит в конфигурировании ее собственного пространства. Она стремится явить взору мир своих субъектов и операций. Сущность политики — обнаружение разногласия как присутствия двух миров (Рансьер, Скураатов, 2006: 210).

Поэтому оно, скорее, связано со стремлением сконструировать новый мир, в котором будут присутствовать агенты, в настоящее время в нем не представленные. Это механизм производства разногласий, который и создает существующие в нем позиции. Итогом может стать переформатирование существующего единства за счет их признания. Политическое предстает не как постоянное пространство противостояния между уже существующими группами интересов, а событием появления новых участников, которые как раз и стремятся обрести свой статус в процессе вхождения и переформатирования уже существующего сообщества. Например, борьба уже присутствующих в политическом поле партий на выборах не всегда связана с политикой. Она просто воспроизводит уже существующий порядок, хотя там и имеется противостояние. Появление же новых агентов, заинтересованных в признании со стороны других групп, как раз и оказывается политическим событием. Они подрывают условия существования сообщества, которые рассматриваются как не подлежащие сомнению.

Политика оспаривает необходимость, которая якобы определяет порядок сообщества. В этом смысле политика в теории Рансьера избыточна, несовместима с установленными формами опыта и репрезентации. Она всякий

раз ставит под вопрос существующие способы распределения целого (Саркисянц, 2016: 23).

Поэтому успех политики приводит к ее исчезновению. Она заканчивается тем, что новая группа оказывается принята в сообщество. В нем больше нет агентов, которые борются за собственное признание. На место политики приходит «полиция». У Ж. Рансьера «полиция — это не столько деятельность, сколько имя самовоспроизводящегося порядка» (Карчагин и Сивков, 2014: 15). Взаимная смена политики и полиции оказывается тем пространством жизни и конструирования различных социальных целостностей, в которых как раз и протекает такая рутинная деятельность, как борьба за власть.

Получается, что борьба за власть это лишь одно из проявлений, которое бросается в глаза, но не совпадает с сущностью политического. При всем различии позиций Шмитта и Рансьера можно заметить одно фундаментальное сходство — оба они подразумевают конструирование и учреждение особых миров политического, отличных от обычного состояния. Они не могут возникнуть без активного участия различных агентов, которые переформатируют существующий порядок. В «шмиттовском» подходе необходимо разделение на «друзей» и «врагов», первых будут брать в союзники, а со вторыми бороться не на жизнь, а на смерть. Ведь успех последних будет подразумевать разрушение мира первых, потерю ими суверенитета, а следовательно, и прекращение их существования. «Рансьеровский» — связан с пересборкой общественного единства на новых основаниях. Как только оно собрано, то сразу политическое уходит из жизни и наступает период поддержания существующего порядка. Он будет нарушен, лишь когда появятся новые возмутители спокойствия, которые снова вернут политику к жизни. Это не обязательно должна быть особая революционная ситуация, ведь, например, демократия, по его мнению, постоянно предлагает ставить под сомнение существующий *status quo*, и поэтому является пространством осуществления политического. Новые агенты своим появлением подрывают устоявшийся порядок и начинают конструирование собственной идентичности.

Такое понимание политического позволяет по-новому поставить вопрос о вовлеченности науки в политику. Оно изначально исходит из того, что вопрос о борьбе науки за власть является вторичным. Непосредственная борьба за политическое лидерство характерна для профессиональных политиков, стремящихся занять места во главе госу-

дарственного аппарата. Она подразумевает достижение различных долгосрочных и краткосрочных целей, связанных с удержанием власти. Но кто определяет эти цели, кем они формулируются, действительно ли сами политики ставят ориентиры для общественного развития? «Шмиттовское» и «рансьеровское» понимание политического скорее акцентируют внимание на том, что действия политиков выражают различные интересы, сформированные в процессе дифференциации существующего общественного консенсуса. Именно этот процесс различения и приводит к его формированию. Поэтому политики стремятся защищать интересы собственных групп либо вступая в борьбу со своими оппонентами, либо формируя предпосылки для создания нового единства. Она подразумевает создание «разрывов» в устоявшемся мире. Его как раз и формируют новые агенты, либо ставящие вопрос о том, кто в действительности является «другом» или «врагом» в «шмиттовском» подходе, либо выражая сомнение по поводу существующего единства в «рансьеровском». И именно в процессе этого конструирования различий и можно найти место для политической субъектности науки. На что же похожа подобная роль научного знания?

Для ответа на этот вопрос нам стоит обратиться к некоторым современным антропологическим исследованиям. К примеру, Э. Кон отмечает тот факт, что для общин народности руна, живущих в Эквадоре в окрестностях реки Верхняя Напо, важнейшим механизмом конструирования окружающего мира является анимизм. Они предполагают, что различные живые организмы обладают самостями, которые в чем-то подобны, а в чем-то отличны от человеческой. Но все вместе они включены в единую экологическую систему. Для них, например, оказываются характерны допущения предполагающие, что, во-первых, «все разумные существа, будь духи, животные или люди, считают себя личностями», а «во-вторых, хотя все существа считают себя личностями, то, как их видят другие, зависит от видовой принадлежности обоих существ» (Кон, Боровиков, 2018: 151). Это приводит к особой форме перспективизма, когда представители этой народности пытаются занять позицию, характерную для других живых организмов. Примером является описание позиций, из которой «видит» мир гриф и человек. В силу особенностей поведения, грифы и люди населяют разные «миры», т. е. они по-разному воспринимают одни и те же объекты. Люди могут видеть гниющую мертвечину, тогда как для грифов, по мнению представителей племени руна, она оказывается клубнями маниоки. Но, благодаря возможности попытаться занять позицию грифа, люди племени руна

могут сказать, что гриф видит куски мертвечины именно как клубни маниоки. Подобное описание разительно отличается от поставленного Т. Нагелем вопроса о том каково быть летучей мышью (Nagel, 1974). Ведь он не столько пытается понять ее «перспективу» с точки зрения ее «души» и «личности», а в их наличии не сомневаются описываемые Э. Коном представители племени руна, сколько стремится описать инструментарий, при помощи которого она взаимодействует с окружающим миром. В результате он делает вывод о том, что раз человек не обладает присущими летучей мышши способами восприятия, то он и не сможет понять ее «перспективу». Но этот вывод может казаться абсурдным представителям племени руна. «Если для нас (людей, воспитанных в новоевропейской культуре. — *Е. М.*) моделью вселенной является машина, — пишет Э. Кон, — то для анимистов это животная личность» (Кон, Боровиков, 2018: 151). Все это позволяет обратить внимание на то, что «перспективы», которые используют разные агенты, тесно переплетены с «мирами», в которых они существуют. Каждая из «перспектив» дает возможность определенным образом структурировать мир.

Порожденные различными перспективами миры есть не просто ментальные конструкции. Они определяют поведение различных акторов. Их особенности, например, будут влиять и на вопросы, которые могут быть поставлены. Э. Вевейруш де Кастру отмечает, что различные культуры могут обладать совершенно непохожими онтологическими представлениями. Встреча индейцев Латинской Америки и испанцев поставила перед двумя этими группами необходимость ответить на вопрос, с кем они встретились. Но ответ на него в каждой культуре предполагал собственные способы проверки различных гипотез.

Европейцы никогда не сомневались в том, что у индейцев есть тело (оно есть и у животных), индейцы никогда не сомневались в том, что у европейцев есть души (они есть и у животных, и у призраков мертвых) (Вивейруш де Кастру, Кралечкин, 2017: 19).

Поэтому испанцы ставят вопрос о наличии души у индейцев, тогда как индейцы, наблюдая за разложением тел испанцев, пытаются понять есть ли у них тела. Эти действия показывают нам, что «миры» индейцев и испанцев различны. Они обладают разными пониманиями сущности человека, соотношением тела и души. Одни и те же физические процессы могут быть проинтерпретированными ими исходя из

разных описаний мира и причин, которые ведут к тем или иным событиям. И сформировано оно в том числе и концептами, которые они используют.

В современном обществе техногенной цивилизации наука как раз и является ключевым институтом ответственным за концептуальное описание мира, а следовательно, и конструирование мира, в котором мы живем. Подобное утверждение можно распространить на социально-гуманитарное знание. Ясно, что оно оказывает влияние на принимаемые любыми управленцами и политиками решения. Даже если формально они и не обращаются к ученым для разработки собственных управленческих подходов, они опираются на модели и представления, которые были сформулированы в результате научных исследований. К примеру, Р. Грундманн и Н. Штер, показали, что выработка решений в области экономической политики вполне может опираться на научные теории, например, идеей Дж. М. Кейнса. Ведь он стремится найти ответ на ключевые для его времени экономические вопросы. Решение климатологических задач требует обращения к науке, но сами климатологи могут иметь определенное представление о необходимых действиях в области работы с климатическими проблемами (Grundmann, Stehr, 2009). При этом сторонники трансформации современного общества призывают выработать новые подходы к конструированию будущего, которые будут отличны от уже существующих (Srnciek & Williams, 2015). Поэтому современные техники власти, конечно же, зависят от концептуальных описаний социально-гуманитарного знания. Именно оно и является структурой, производящей как различие, которое порождает политическое в его «рансьеровском» описании, так и формирует стратегии нового объединения этих различий, или конструирует разделение на «друзей» и «врагов» в «шмиттовском» описании сущности политического. Но можно ли в этом же смысле говорить о политической субъектности естественных наук?

Ответ на этот вопрос может быть дан в двух плоскостях. Первый из них связан с предлагаемыми аналитическими моделями собственно научной практики. Одно из них, развиваемое в рамках акторно-сетевой теории, предполагает создание специфического описания научной деятельности, в котором выстраиваются отношения между различными агентами. Ими могут быть как люди, так и *non-human* акторы. Сам язык авторов этой теории, предполагающий использование терминов «коалиции», «союзы», «сети», «борьба» и другие оказывается пронизан политическими метафорами. Сети, которые стабилизируют отношения

между вовлекаемыми в совместную деятельность акторами, конструируются посредством формирование новых структур, которых до этого не было (Law, 2004). В процессе этой деятельности необходимо определить дружественных агентов и противостоять тем, кто пытается не дать возможности сформироваться этому новому единству. В этом случае сама научная деятельность оказывается пространством учреждения новых исследовательских миров, которых раньше не существовало. Работа одного из создателей акторно-сетевой теории так и называется: «Политики природы: как привить наукам демократию» (Латур, Блинов, 2018), что недвусмысленно намекает на наличие политического контекста в исследовательской деятельности.

Второй аспект политической субъектности науки связан с тем, что деятельность современной науки тесно переплетена с жизнью людей. Достаточно долго результаты, полученные учеными, работающими в различных областях естественных наук, сообщали нам лишь информацию об устройстве мира. Они уточняли наши знания, но их достижения не оказывали непосредственного влияния на жизнь людей. Однако в современном обществе, как мы уже отмечали, естественные науки не просто связаны с поиском законов мироздания, но и имеют огромное прикладное значение. «Конструируемые» ими миры оказывают влияние на общественное развитие. С. Фунтович и Дж. Раветц описывают подобную ситуацию как формирование «пост-нормальной науки» (Funtowicz & Ravetz, 1993). Основное ее отличие от нормальной науки заключается в том, что она связана с решением задач, которые требуют нахождения быстрого ответа. Он должен быть не только теоретическим, но и практическим. Научные описания и рекомендации оказываются основаниями для реализации политических решений. В результате они затрагивают интересы различных групп, а сами последствия их применения могут быть плохо предсказуемы на достаточно длительном промежутке времени. Типичным примером являются климатические исследования. Они констатируют текущее положение дел и позволяют описывать некоторые результаты исполнения тех или иных сценариев, которые не могут быть гарантированы со стопроцентной точностью. При этом реализация рекомендаций, основанных на научных сценариях развития, оказывает влияние на различные группы населения и может повлиять на объект исследования — климат.

Подобная деятельность ученых начинает напоминать формирование «перспектив», которые начинают использоваться различными социальными группами. Эта практика задает «видение» проблем и механизмов

их решения, даже если существует определенное недоверие к науке (Тухватулина, 2023). Именно в этом процессе и формируется политическая субъектность современных естественных наук. Но она не связана со стремлением получить власть в области государственного управления, поэтому и не может быть адекватно представлена без более глубокого понимания политического и обращением к опыту «иного» описания мира, представленного антропологами.

Политическая субъектность естественных наук связана с учреждением новых исследовательских миров. Они сообщают о том, что устоявшееся единство наших представлений о мире требует пересмотра. Так, они создают новую «перспективу» видения мира, которая должны быть подвержена проверки. Такая деятельность всегда была характерна для новоевропейской науки. Ученые не только занимались поиском следствий из уже имеющихся знаний, но и пытались расширить зону их применения, найти ответы на еще не решенные вопросы. Они часто формировали эти новые «перспективы» — ньютоновская механика, цикл Карно, квантовая механика, специальная и общая теория относительности — любая новая теоретическая разработка устанавливает новую «перспективу». Но в технауче они превратились не просто в теоретические миры, а стали оказывать непосредственное влияние на жизнь людей. Научные достижения стали основой больших технологических проектов, а технологический выбор может иметь историческое значение. Примером может служить различие научно-технологических выборов, сделанных учеными, работающими над атомными проектами в разных странах.

Политическая субъектность современной науки приобретает особый характер. Она не связана с борьбой за политическую власть. Наука при помощи новых исследовательских полей создает пространство для принятия решений, влияющих на жизнь людей. А какие решения будут приняты, это зависит от полученных учеными результатов. Конечно же, можно указать и на то, что сами ученые эти решения не принимают, а выбор делают политики. Однако, во-первых, выбор политиков в принципе не был бы возможен без деятельности ученых, а во-вторых, опирается на мнение определенной группы, которая сама себя репрезентирует как связанную с наукой, даже если оппоненты этих ученых считают иначе. *Поэтому политическая субъектность науки оказывается неожиданным следствием ее активного вхождения в жизнь людей.* Наука как социальный институт (отдельные представители науки вполне могут бороться за государственную власть) не борется за

эту политическую субъектность. Она не хочет получить власть над обществом, не стремится разрушить существующее общественное единство, поставить вопрос о «друзьях» и «врагах». *Но она уже не может отказаться от этой субъектности.* Техногенная цивилизация существует лишь благодаря тому, что учреждаемые наукой «перспективы» рассмотрения и изучения мира используются ею для своего развития. А они как раз и оказываются одним из механизмов конструирования политического как в «шмиттовском», так и в «рансьеровском» смысле.

ЛИТЕРАТУРА

- Бёкенфёрде Э.-В.* Понятие политического как ключ к работам Карла Шмитта по государственному праву / пер. с нем. О. В. Кильдюшова // Логос. — 2012. — № 5. — С. 165–185.
- Вивейруш де Кастру Э.* Каннибальские метафизики: рубежи постструктурной антропологии / пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
- Карчагин Е. В., Сивков Д. Ю.* Политика и справедливость в философии А. Бадью и Ж. Рансьера // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. — 2014. — № 2. — С. 12–19.
- Кон Э.* Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека / пер. с англ. А. Боровикова. — М.: Ad Marginem, 2018.
- Латур Б.* Политики природы. Как привить наукам демократию / пер. с фр. Е. Н. Блинова. — М.: Ад Маргинем, 2018.
- Порус В. Н.* Политическая субъектность науки как тема философии науки // Вопросы философии. — 2023. — № 9. — С. 71–82.
- Рансьер Ж.* На краю политического / пер. с фр. Б. М. Скуратова. — М.: Праксис, 2006.
- Саркисьянц А. А.* Место события: устройство политического у Жака Рансьера // Социология власти. — 2016. — Т. 28, № 4. — С. 14–34.
- Тухватулина Л. А.* Наука как объект веры и недоверия: феномен дениализма // Эпистемология и философия науки. — 2023. — Т. 60, № 1. — С. 6–20.
- Филиппов А. Ф.* К истории понятия политического: прошлое одного проекта // Понятие политического / К. Шмитт; под ред. А. Ф. Филиппова; пер. с нем. А. Ф. Филиппова, А. П. Шурбелева, Ю. Ю. Коринца. — СПб.: Наука, 2016. — С. 433–551.
- Шмитт К.* Политика (статья 1936 года) / пер. с нем. Ю. Ю. Корицына // Понятие политического / под ред. А. Ф. Филиппова; пер. с нем. А. Ф. Филиппова, А. П. Шурбелева, Ю. Ю. Коринца. — СПб.: Наука, 2016. — С. 409–414.
- After the Anthropocene* / E. Johnson [et al.] // Progress in Human Geography. — 2014. — Vol. 38, no. 3. — P. 439–456.

- Crutzen P. J., Stoermer E. F.* The Anthropocene // IGBP Newsletter. — 2000. — Vol. 41, no. 17. — P. 17–18.
- Funtowicz S. O., Ravetz J. R.* Science for the Post-Normal Age // Futures. — 1993. — Vol. 25, no. 7. — P. 739–755.
- Grundmann R., Stehr N.* The Power of Scientific Knowledge. From Research to Public Policy. — New York : Cambridge University Press, 2009.
- Law J.* After Method. Mess in Social Science Research. — London, New York : Routledge, 2004.
- Nagel T.* What Is It like to Be a Bat? // The Philosophical Review. — 1974. — Vol. 83, no. 4. — P. 435–450.
- Srnicek N., Williams A.* Inventing the Future. Postcapitalism and World Without Work. — London, New York : Verso, 2015.
- Stehr N.* Information, Power, and Democracy. Liberty is a Daughter of Knowledge. — Cambridge : Cambridge University Press, 2015.

Maslanov, Ye. V. 2024. “K voprosu o politicheskoy sub”yektности nauki [On the Issue of the Political Subjectivity of Science]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [*Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*] 8 (3), 339–351.

YEVGENIY MASLANOV

PHD IN PHILOSOPHY

RESEARCHER

INSTITUTE OF PHILOSOPHY OF RAS (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-6403-8003

ON THE ISSUE OF THE POLITICAL SUBJECTIVITY OF SCIENCE

Abstract: The article attempts to consider the issue of the political subjectivity of science. To do this, an analysis of the concept “political” is carried out. There are two understandings of it. The first is related to the struggle with the enemy for sovereignty. It is based on the ability to distinguish between “friends” and “enemies”. The second is an attempt to include new elements into social unity. In this case, the political turns out to be associated with the entry of new agents into the existing unity. Both of these understandings imply the need to construct new political worlds that differ from the existing state of affairs. The political turns out to be associated with the ability to form special perspectives that are used to redefine social unity. The political subjectivity of science lies in the ability to construct new worlds that influence social life. In this case, science acts as an agent that creates new practices and technologies that influence society. This is precisely what leads to a redefinition of social unity. This political function of science was formed due to the active use of the results of its research in economic and social life. Political subjectivity is characteristic of modern science and is a side consequence of its success. Science does not strive to have such subjectivity, but it cannot itself abandon it, because it is the use of the results of scientific research that forms this subjectivity. Thus, science turns out to be a political actor not because of its own aspirations. It becomes a structural element of the political.

Keywords: Science, Politics, Technogenic Civilization, Subjectivity, Social Construction, Post-normal Science.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-339-351.

REFERENCES

- Böckenförde, E.-W. 2012. "Ponyatiye politicheskogo kak klyuch k rabotam Karla Shmitta po gosudarstvennomu pravu [Der Begriff des Politischen als Schlüssel zum staatsrechtlichen Werk Carl Schmitt]" [in Russian], trans. from the German by O. V. Kil'dyushov. *Logos*, no. 5, 165–185.
- Crutzen, P. J., and E. F. Stoermer. 2000. "The Anthropocene." *IGBP Newsletter* 41 (17): 17–18.
- Filippov, A. F. 2016. "K istorii ponyatiya politicheskogo [On the History of the Concept of the Political]: proshloye odnogo proyekta [The Past of One Project]" [in Russian]. In *Ponyatiye politicheskogo [Der Begriff des Politischen]*, by C. Schmitt, ed. by A. F. Filippov, trans. from the German by A. F. Filippov, A. P. Shurbelev, and Yu. Yu. Korinets, 433–551. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Funtowicz, S. O., and J. R. Ravetz. 1993. "Science for the Post-Normal Age." *Futures* 25 (7): 739–755.
- Grundmann, R., and N. Stehr. 2009. *The Power of Scientific Knowledge. From Research to Public Policy*. New York: Cambridge University Press.
- Johnson, E., et al. 2014. "After the Anthropocene." *Progress in Human Geography* 38 (3): 439–456.
- Karchagin, Ye. V., and D. Yu. Sivkov. 2014. "Politika i spravedlivost' v filosofii A. Bad'yu i Zh. Rans'yera [Politics and Justice in the Philosophic Ideas of A. Badiou and J. Rancière]" [in Russian]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nyye tekhnologii [Bulletin of Volgograd State University. Series 7. Philosophy. Sociology and Social Technologies]*, no. 2, 12–19.
- Kohn, E. 2018. *Kak myslyat lesa [How Forests Think]: k antropologii po tu storonu cheloveka [Toward an Anthropology Beyond the Human]* [in Russian]. Trans. from the English by A. Borovikov. Moskva [Moscow]: Ad Marginem.
- Latour, B. 2018. *Politiki prirody. Kak privit' naukam demokratiyu* [in Russian]. Trans. from the French by Ye. N. Blinov. Moskva [Moscow]: Ad Marginem.
- Law, J. 2004. *After Method. Mess in Social Science Research*. London, New York: Routledge.
- Nagel, T. 1974. "What Is It like to Be a Bat?" *The Philosophical Review* 83 (4): 435–450.
- Porus, V. N. 2023. "Politicheskaya sub'yektnost' nauki kak tema filosofii nauki [Political Agency of Science as a Theme of Philosophy of Science]" [in Russian]. *Voprosy filosofii*, no. 9, 71–82.
- Rancière, J. 2006. *Na krayu politicheskogo [Aux bords du politique]* [in Russian]. Trans. from the French by B. M. Skuratov. Moskva [Moscow]: Praksis.
- Sarkis'yants, A. A. 2016. "Mesto sobytiya [Place of Event]: ustroystvo politicheskogo u Zhaka Rans'yera [Arrangement of the Political in Theory of Jacques Rancière]" [in Russian]. *Sotsiologiya vlasti [Sociology of Power]* 28 (4): 14–34.
- Schmitt, C. 2016a. "Politika (stat'ya 1936 goda) [Politik (Artikel von 1936)]" [in Russian]. In *Ponyatiye politicheskogo [Der Begriff des Politischen]*, ed. by A. F. Filippov, trans. from the German by Yu. Yu. Koritsyn, 409–414. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.

- . 2016b. *Ponyatiye politicheskogo [Der Begriff des Politischen]* [in Russian]. Ed. by A. F. Filippov. Trans. from the German by A. F. Filippov, A. P. Shurbelev, and Yu. Yu. Korinets. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Srnicek, N., and A. Williams. 2015. *Inventing the Future. Postcapitalism and World Without Work*. London and New York: Verso.
- Stehr, N. 2015. *Information, Power, and Democracy. Liberty is a Daughter of Knowledge*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tukhvatulina, L. A. 2023. “Nauka kak ob’'yekt very i nedoveriya [Science as an Object of Faith and Distrust]: fenomen denializma [The Phenomenon of Denialism]” [in Russian]. *Epistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology & Philosophy of Science]* 60 (1): 6–20.
- Viveiros de Castro, E. 2017. *Kannibal'skiye metafiziki: rubezhi post-strukturnoy antropologii [Metaphysiques cannibals. Lignes d'anthropologie post-structurale]* [in Russian]. Trans. from the French by D. Yu. Kralechkin. Moskva [Moscow]: Ad Marginem Press.